

• СОРЕВНОВАНИЕ •

Л охов выключил пилу, поставил ее на свежий пень:
— Они третью делянку валят. Там еще с ними этот... Васька со Знаменской...

— Михалычев? — спросил Будзюк, откинув сапогом толстую сосновую ветку.

— Он самый. А завел их ясно кто — Соломкин. Вчера в конторе мне ребята рассказывали. У них комсомольское собрание было, ну и Соломкин выступал. Мы, говорит, всегда за будзюковской шли, а теперь кровь из носу — будем первыми. Ну и началось. Я щас шел, они там как стахановцы — валят, не разгибаясь.

Будзюк вздохнул, потер о рукав испачканную в смоле ладонь:

— Да... Соломкин — он боевой парень, я знаю... этот заведет...

— Да и остальные тоже, знаешь, они ведь как на подбор там — после армии только. Силушку девать некуда...

Будзюк молча кивнул головой.

Над просекой парили два ястреба. Лохов снял фуражку, вытер вспотевший лоб:

— Я еще раньше сказать хотел, да знаешь, как-то...

— Что?

— Ну, не знаю...

Будзюк рассмеялся:

— Чего, испугался, что ли?

— Да нет, Сень. Просто при ребятах не хотелось. Пусть сами в конторе узнают.

Будзюк стряхнул с брюк опилки:

— А не все ли равно — когда. Да и чего такого? Ну вызвали на соревнование, ну и что?

Лохов почесал щеку:

— Сень, а может, пусть они с васнецовской соревнуются, а?

Будзюк насмешливо посмотрел на него:

— Чего — сдрейфил?

— Да нет... просто годы уже не те... напахался, да и ты тоже...

Будзюк покачал головой:

— Да-а-а... как ты быстро на попятную. А я вот, Иван Лексеич, дорогой мой сродственник, тоже попахал за свою жизнь не меньше твоего. Но

уступать первое место и вымпел каким-то там Соломкиным не желаю! А ребята щас вернутся, я им скажу, что соревноваться будем. Будем!

Лохов, прищурясь, смотрел на попискивающих ястребов. Будзюк поставил ногу в кирзовом сапоге на поваленную сосну:

— Да неужели у тебя простой человеческой гордости нет, Вань? Они ж молокососы, салаги зеленые! Ты что, думаешь, у наших сил не хватит? Да мой Жорка троих ихних стоит! А Петро? А Саня? За пояс мы их заткнем, факт! Они и леса-то не видали сроду, а туда же — перегоним! Штаны лопнут.

Лохов улыбнулся:

— Ну это как сказать, Сень. Они вон какие — угарные ребята.

— Бог с ними. Пусть пашут. Мы сноровкой возьмем, а не нахрапом.

— Да я-то не против, пожалуйста... только чего нам этот вымпел... премию и так получаем, прогрессивку тоже...

Будзюк махнул рукой:

— Скушный ты человек, Ваня. А еще потомственный лесоруб...

Он поднял свою пилу, тронул клапан подсоса, дернул шнур. Пила затарахтела, выпуская бело-голубой дым. Будзюк подхватил ее и понес к соснам.

Лохов нехотя встал:

— Сень, а может, ребят подождем?

Будзюк шел не оборачиваясь.

Лохов принялся заводить свою пилу. Один из ястребов сложил крылья и упал вниз. Будзюк подошел к сосне, быстро вырезал желобок, зашел с другого бока и всадил ленту в бугристый ствол. Пила заурчала, желтоватые опилки посыпались на сапоги. Полотно медленно входило в дерево. Будзюк слегка нажимал.

Лохов подошел с тарахтящей своей и принялся за соседнюю сосну.

Будзюковская сосна дрогнула, закрипела. Он отошел, перехватил пилу поудобнее. Сосна качнулась и стала валиться. Длинный ствол ее изогнулся и с треском обрушился на землю.

— На середку вали! — крикнул Будзюк согнувшегося Лохову, и Лохов кивнул.

Будзюк шагнул к другой сосне, примериваясь, оглянулся, зашел с нужного бока и стал вырезать желобок.

Лохов отошел от своей. Сосна повалилась на только что упавшую.

— Щас шалашом свалим, а левые не трогай! Там в овраг валить надо! — прокричал ему Будзюк.

Пила в руках у Лохова зачихала и остановилась.

— Чего там? — прокричал Будзюк, входя в ствол с нового бока.

— Да “Дружба” старая... Андрея... выкидывать ее надо!

Будзюк отвернулся, сильнее налег на ручки.

Лохов покачал подсос, намотал шнур, дернул.

Пила затарахтела и смолкла.

— Аааа... чтоб тебя...

Он стал снова наматывать шнур.

Будзюк повалил сосну, выбрал другую.

Лохов завел пилу, сплюнул и, переступив через ствол, посмотрел на стоящие неподалеку сосны:

— Хоть бы одна кривая... как на подбор...

Будзюк вырезал кустарник возле сосны.

— Давай помогу, Сень! — крикнул Лохов и зашагал к нему.

— Ты лучше иди вон те вали... или с этих сучья режь... во, позаросло... не продерешься!

— Лозовина, знамо дело!..— крикнул Лохов, становясь рядом. Он сильнее прижал к ручке рычажок акселератора, быстро перекинул пилу влево и всадил полотно в шею склонившегося Будзюка. Темная кровь полетела из-под зубчатой ленты, голова вместе с потертой кепкой отделилась от шеи, упала в кусты. Ноги Будзюка подогнулись, пила врезалась в землю. Он повалился на пилу, суча ногами.

Лохов оглянулся, вытащил из-под безглавого тела пилу, подхватил свою и побежал, во-

лоча их по земле, увертываясь от продолговатых полотен. Руки его прижимали рычажки акселераторов к рукояткам, пилы ревели, голубоватые шлейфы выхлопа тянулись за ними.

— Теперь и посоревнуемся... посоревнуемся... — бормотал Лохов, огибая пни.

Он пробежал через просеку, пересек овраг и оказался на обрыве. Внизу неторопливо текла Соша, трое ребятишек сидели на мостках и удили рыбку.

Заметив Лохова с ревущими пилами в руках, они приподнялись:

— Во, дядь Ваня двумя прям...

— А шумят-то...

— Дядь Вань, а ты батяньку моего не видал?

Лохов свистнул, одно из полотен коснулось его ноги, он вздрогнул. Ребята смотрели на него.

— Вот и посоревнуемся теперь... — пробормотал Лохов, разбежался и вместе с воющими пилами полетел в воду.

• ГЕОЛОГИ •

В черной от копоти, выдавшей виды печурке звонко потрескивали дрова, из полуприкрытой чугунной дверцы полыхало пламя, бросая янтарные отблески на лица геологов.

Соловьев в последний раз затянулся папиросой и сунул окурок в оранжевую щель.

Сидящий рядом на низеньком кедровом стульчаке Алексеев поигрывал широким охотничьим ножом, монотонно втыкая его в сучковатое полено.

Соловьев вздохнул и встал, едва не коснувшись вихрастой головой прокопченного потолка зимовья:

— Нет, ребята. Решать надо сегодня.

Авдеенко молча кивнул, Алексеев неопределенно пожал плечами, продолжая втыкать нож, а сидящий у заиндеветшего окошка Иван Тимо-

феевич все так же неторопливо попыхивал своей желтой костяной трубкой.

— Саша, ну что ты молчишь? — повернулся Соловьев к Алексееву.

— Я уже все сказал, — тихо и внятно проговорил Алексеев. Его широкое бородатое лицо, высвеченное оранжевыми всполохами, казалось невозмутимым.

— Но ведь твое предложение по крайней мере нелепо! — тряхнул головой Соловьев. — Что же — бросить друзей в лавиноопасной зоне, а самим сматывать удочки?!

Широкий нож с силой воткнулся в полено:

— А по-твоему, значит, стоит пустить псу под хвост год тяжелейшей работы?

— Но люди-то дороже образцов, Саша! — неловко всплеснул руками Соловьев.

— Конечно, — согласился Авдеенко, глядя на Алексеева.

Тот раздраженно ударил ручкой ножа по колену:

— Ну что вы как дети! Давно они уже в Усть-Северном, ваши Сидоров с Коршевским! Давно! Голову даю на отсечение — сидят сейчас и чай гоняют! И никакая лавина им не грозит!

— Но рация, Саша, рация-то говорит другое! — перебил его Соловьев. — Какие чай, если ребят нет в Усть-Северном?

— Нет — значит, через день-другой будут там, — уверенно отрезал Алексеев.

— А если они не пошли в Усть-Северный? — спросил Авдеенко, наклоняясь вперед и осторожно снимая с печурки кружку с дымящимся чаем.

— Придут, — с той же уверенностью проговорил Алексеев, нашаривая в карманах широких ватных брюк папиросы. — Про лавину они знают — раз, вертолет наверняка видели — два, геологи опытные — три. А потом, друзья мои, вы что, думаете, они на отвалах возьмут что-нибудь? При таком буряне? Они там пару суток проторчат, не больше. И в Усть-Северный двинутся...

Он сунул в печку сухую кедровую веточку, вынул и прикурил от охватившего ее пламени.

— Ты так рассуждаешь, будто все уже известно наперед, — грустно усмехнулся Авдеенко. — Но ведь в Усть-Северный они собирались только на следующей неделе. По плану-то так.

— Николай, ну что ты говоришь? Что они — пацаны, что ли? У Коршевского десятилетний стаж, он эти места знает как свои пять! Неужели, по-твоему, они настолько глупы, чтобы по вертолетам и стрельбе не догадаться о лавине? Да и продукты у них на исходе. Значит, пойдут в Усть-Северный. Я точно говорю вам, пойдут! А вы вот с Петром — настоящие паникеры. Рас-

суждаете как младенцы — бросить все, бросить образцы и идти искать! Где искать? Вдоль хребта? У Желтой Каменки? А может, к западному ущелью податься? Вы же сами ничего толком не знаете. Бросить образцы, чтоб их лавиной засыпало! Полный абсурд...

— А если не засыплет? — спросил Авдеенко. — Сюда лавина вряд ли дотянется...

— А если дотянется? Что тогда? — повернул к нему свое широкое лицо Алексеев. — Как мы в глаза Родникову посмотрим?

Они замолчали, сосредоточенно глядя на потрескивающую печурку.

Иван Тимофеевич все так же неторопливо курил. Загорелое скуластое лицо его было хмурым и сосредоточенным. Седые виски выглядели из-под плотно натянутой вязаной шапки.

Авдеенко покачал головой:

— Да, образцы — это конечно... год собирали...

Вытянув губы, он стал осторожно прихлебывать горячий чай. Соловьев нетерпеливо сунул руки в карманы:

— Саша, давай-ка еще раз свяжемся с Усть-Северным.

Алексеев пожал плечами, встал:

— Пожалуйста.

В углу на грубо сколоченном столе поблескивала алюминиевой панелью новенькая рация.

Подвинув стульчак, Алексеев уверенным движением надел наушники, щелкнул тумблером. На панели засветился красный огонек.

Алексеев быстро заработал ключом.

Потом перестал, поправляя наушники на голове, вслушиваясь в ответную россыпь морзянки.

— Ну вот... — тихо проговорил он, простукивая “отбой”. — Не пришли еще. Нет их. А вертолеты завтра утром, как пурга уляжется, опять полетят.

Выключив рацию, он снял наушники, встал: — В общем, ребята, по-моему, надо собираться и с утрачка — в путь. Образцы тяжелые — добрые полтонны. Пока дойдем, пока что...

Сидящий возле окошка Иван Тимофеевич вздохнул и выпустил широкую струю дыма.

Все повернулись к нему.

Соловьев осторожно спросил:

— Иван Тимофеевич, ну а вы-то что думаете?

Иван Тимофеевич молча покусывал мундштук трубки.

Алексеев почесал бороду:

— В тупик зашли. Я — одно предложение, они — другое... дилемма...

Авдеенко поставил пустую кружку на стол:

— Первый раз такие разногласия. Иван Тимофеевич, вы вот геолог опытный, двадцать пять лет в партиях. Уж вы-то, наверное, знаете, что делать.

— Наверное, поэтому и молчите, — улыбнулся Соловьев.

Иван Тимофеевич ответно улыбнулся:

— Поэтому, Петя, поэтому...

Он приподнялся, выбил трубку о край стола, убрал в карман и облегченно выдохнул:

— Значит, так. Как говорил мой земляк Василий Иванович Чапаев, на все, что вы тут наговорили, — наплевать и забыть. Давайте-ка на кофейной гуще гадать не будем, а станем рассуждать по-серьезному. Оценивая сложившуюся ситуацию, мне кажется, что надо просто помучмарить фонку.

В наступившей тишине Алексеев качнул головой. По его лицу пробежало выражение восхищения:

— А ведь верно... как я не додумался...

Соловьев растерянно почесал затылок, тихо пробормотал:

— Да я, вообще-то... хотел то же самое...

Авдеенко одобрительно крикнул, шлепнув себя по коленке:

— Вот, орлы, что значит настоящий профессионал!

Потрепав его по плечу, Иван Тимофеевич вышел на середину избы, присел на корточки и костяшками пальцев три раза стукнул в оледенелый пол, внятно проговорив:

— Мысль, мысль, мысль, учкарное сопление.

Стоящие вокруг геологи хором повторили:

— Мысль, мысль, мысль, учкарное сопление.

Затем молодые геологи быстро встали рядом, вытянув вперед ладони и образуя из них подобие корытца.

Иван Тимофеевич сделал им знак головой.

Геологи медленно наклонились. Корытце опустилось ниже. Склонившись над ним, Иван Тимофеевич сунул себе два пальца в рот, икнул, содрогаясь.

Его быстро вырвало в корытце из ладоней.

Отдышавшись, он достал платок и, вытерев мокрые губы, проговорил:

— Мысль, мысль, мысль, полокурый вотлок.

Не меняя позы и стараясь не пролить на пол густую, беловато-коричневую массу, геологи внятно повторили:

— Мысль, мысль, мысль, полокурый вотлок.

Иван Тимофеевич улыбнулся и облегченно вздохнул.

В печке слабо потрескивали и с шорохом разваливались прогоревшие поленья.

За маленьким окошком свистела таежная вьюга.